

Когда в феврале оттепель

«В Цюрихе сейчас практически вся моя жизнь», — считает Михаил Крунов, выставка живописных работ которого проходит в галерее Нади Брыкиной

АННА БРУВЕР, МИХАИЛ КРУНОВ, НАДЯ БРЫКИНА НА ОТКРЫТИИ ВЫСТАВКИ

ТЕКСТ: МАРИНА КАРЛИН
ФОТО: PETER ERNI

Хотелось поговорить о жизни, доме, семье. Хотелось послушать истории других и о других — тех редких, одаренных, умеющих видеть то, что не многие замечают, умеющих оставить замеченное на века и для всех. Об этом я сказала Михаилу в начале встречи. Он согласно кивнул головой.

Кнопка диктофона была нажата. Михаил Крунов, художник, приехавший из Москвы в Цюрих на открытие своей выставки, негромко говорил. О жизни. О пути. О движении. Об искусстве...

ЧТО ЕСТЬ ВЫСТАВКА

— Выставки — это важная часть творческого процесса. Большие персональные ретроспективные выставки показывают путь развития творческого видения. Для московского художника выставка в центре Европы особенно ценна. Она обостряет внутреннее зрение, отсюда лучше разглядеть Россию, да и самого себя.

Выставка — это новые люди, новые впечатления. Зритель — главный персонаж на выставке — оживляет работы своим вниманием. Живописные работы, в свою очередь, реагируют на новое окружение. Новый культурный контекст заставляет картины звучать по-новому.

В итоге получается единая духовная работа, единое Таинство — Восприятие и Создание искусства.

ОДОБРЕНИЕ

«Когда Вы себя осознали художником?» — задала я следующий вопрос и получила одобрение: «Опять хороший вопрос!» Я почувствовала себя ученицей, которую хвалят не за правильные и полные ответы, а за точный и глубокий вопрос. И только позже, к концу разговора, выяснилось, что М. Крунов 25 лет преподает и ценит хорошие вопросы, пожалуй, больше ответов. «Важнее найти правильный вопрос, чем правильный ответ», — считает он, и добавляет древнекитайскую мудрость: тот, кто много знает, тот не понимает, а кто много понимает — тот не знает».

СТРАСТЬ

— Заглядывая в свое прошлое, сам себя спрашиваю: с какого времени я начал себя осознавать? Где начало человека? С трех, четырех или восьми лет?

Страсть к рисованию меня очень захватывала. Мне кажется, что в детстве я постоянно рисовал. Потом, когда мне было восемь лет, мама отвела меня в художественную школу, в «Дом пионеров». В то время я уже себя воспринимал художником. Меня волновал запах краски, а сам процесс рисования доставлял физическое удовольствие. Эти детские воспоминания

МИХАИЛ КРУНОВ

Художник. Родился в Москве в 1954 году. Окончил художественно-графический факультет Московского государственного педагогического института. С 1982 г. — член Союза художников. Его работы находятся во многих музеях Европы, среди которых Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге, Музей Марка Шагала в Витебске, городской музей в Падуе и другие.

питают меня и сейчас. Возможно, это и есть начало художника. Или еще раньше, что я уже не могу вспомнить...

На этой выставке есть несколько ранних работ — воспоминаний того важного периода моей жизни. В институте мне было учиться легко и приятно. Мама всегда одобряла и поддерживала меня на этом пути, освобождая от бытовых проблем, хотя было не очень легко. Коммерческим искусством я не занимался, всегда делал то, что было мне интересно. Такая работа научила меня обходиться в жизни минимальным. Творчество восполняло все ограничения.

Творчество не терпит равнодушия. Оно требует душевных сил, концентрации и эмоционального подъема...

И ПОКОЙ

— Однако на вернисаже (декабрь 2007 года, галерея Nadja Brykina Gallery — прим. автора) многие из зрителей говорили: «Тишина и покой».

Я — «тихий художник» и считаю, что живопись не должна хватать за шиворот и тянуть к себе. Эксплуатировать формулу успеха нечестно. Художник не должен работать на зрителя. Живопись требует работы зрителя. Он должен приложить усилия — хотя бы подойти к ней. Живопись — это кусочек цветной плоскости, который может иметь магическое воздействие, как чудотворные иконы или философский камень, например.

Состояние покоя, созерцательностью в котором большей частью и создается работа, может передаваться зрителю. Мой интерес к восточной духовной практике и философии во многом помогал мне в живописи.

ХРОНИКИ

— Сейчас мне интересно снимать и монтировать маленькие документальные фильмы о художниках, о моих близких друзьях, о шестидесятниках: о А. Каменском, В. Андриенкове. Фильм, который демонстрировался здесь во время выставки Андриенкова, — эта наша совместная работа с Надеждой

Брыкиной (www.brykina.ch, видео — прим. автора). Это реализация моего интереса к портрету. С возрастом я научился ценить человеческое общение. Нет ничего слаще этого. Кино — это динамика. Это новое для меня. Камера — это моя новая кисть, она расширяет мои возможности.

Но превратится ли увлечение в продукт? Не знаю. Снимать кино увлекательно, но, прежде всего, я художник.

«СПЯЩИЕ ПТИЦЫ». ХОЛСТ, МАСЛО, 1987. СОБСТВЕННОСТЬ АВТОРА

КИТАЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Мой следующий и, казалось, логичный вопрос «так что такое „художник“» был переформулирован в другой. Была упомянута китайская мудрость и один из выводов из законов древнекитайской философии: «движение к цели всегда лучше, чем сама цель», согласно которому мы старались тщательно перебирать «камешки» конкретного жизненного пути — пути художника Михаила Крунова, и разговор не смог не коснуться темы «цели искусства».

ХУДОЖНИК И ЗРИТЕЛЬ

— Ставишь перед собой конкретные задачи писать... Для чего?

Для кого-то предназначение искусства заключено в декоративной форме — украсить интерьер, например. Для кого-то — инвестировать средства. Для кого-то — познать истину. Можно назвать достаточно много функций искусства — самореализация, коммуникация.

Но для меня искусство — глубоко личное понятие. Я люблю, когда в феврале оттепель, когда поднимается туман, воздух тяжелеет, и эта плотная среда поглощает окружающий мир... Преодоление этой тяжести мне дает силы... А еще, скорее всего, компенсация. Выказаться — значит очиститься. И появляется вопрос языка, или поиска языка, или формы.

Когда я смотрю на хорошую скульптуру и по-настоящему ее воспринимаю, я пере-

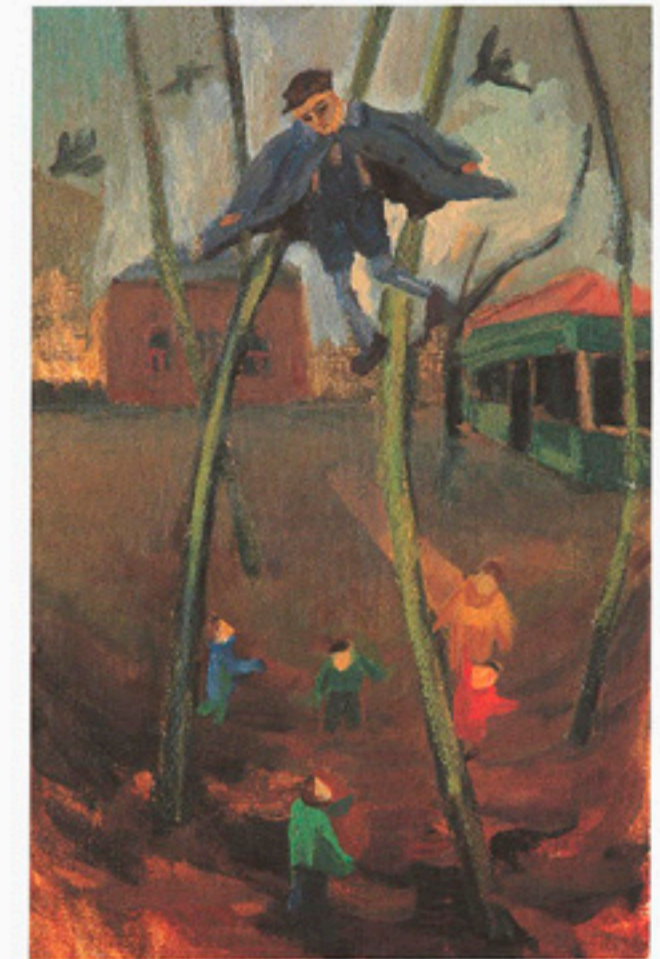
стаю видеть форму. Начинаю видеть ту силу, которая заставляет эту форму существовать, вызывает к жизни человеческое тело, совершенную скульптуру, форму цветка. Это может быть форма самого творца или материала.

Когда я слышу слово — замечательное, поэтическое, я люблю не только красотой фразы, но вижу источник, откуда пришло слово. Самая лучшая поэзия и музыка пришли к нам откуда-то с небес...

чудо игры, доверия. Птицы и животные тоже ценят общение.

— Почему у Вас так много работ, на которых птицы? Нужно было показать движение или Вас что-то не удовлетворяло?

— Да, именно так. А серия заканчивалась тогда, когда приходило что-то новое. Обычно есть работа, которая достигла законченности, остальные я рассматриваю как путь к ней.

«ЛЕТАЮЩИЙ МАЛЬЧИК». ХОЛСТ, МАСЛО, 1971. NADJA BRYKINA GALLERY

С живописью то же самое. Гармония, глубина цвета несут в себе божественное начало. Я начинаю видеть источник, откуда пришел цвет. (Я переспросила — мне послышалось, что Крунов сказал «свет».) Это важно — обращаться к источнику. И искусство позволяет это.

А мои истоки — из детства. Все отсюда... Конечно, у каждого свой путь. Безусловно, если бы я вырос здесь, писал бы по-другому.

Российские переживания — плотная тяжелая среда с бескрайними просторами — оказывают на меня огромное влияние. Поэтому — горизонты. Я всегда любил зиму, русский север — бесконечные горизонты, где только небо и земля. И монохромный свет оттуда. Россия для меня такая. Лето — это праздник, все остальное — это борьба за существование, преодоление тяжелой агрессивной среды обитания. Это я люблю.

ПТИЦЫ

— Вы человек асоциальный?

— Хм... Нет. В то время меня привлекало пространство, плотность среды и отдельные персонажи. Потом появилась серия «Деревья». Потом «Птицы». Я восхищаюсь этими существами, которым сразу принадлежит несколько стихий: и воздух, и земля, и вода. Это странные существа. Ко мне как-то прилетала ручная ворона. Играла со мной, позволяла брать себя, когда хотела, улетала. Потом она прилетала снова. Это

Я не делаю эскизы, я делаю варианты. И на каждую серию у меня много-много вариантов. Потом они выстраиваются в блоки. У меня даже есть индивидуальные блоки: каждый человек из моих картин может выложить свою стенку, свой пазл, свою картину.

Расставаться с картинами — это всегда трагедия. Вернее, это как отдать дочку замуж. Поэтому мне всегда интересны люди, к которым уходят мои вещи.

В Цюрихе сейчас практически вся моя жизнь — здесь все периоды моего творчества.

О ВАЖНОМ

— Написана ли самая главная картина?

— Не хотелось бы так говорить. Конечно, такая выставка — это подведение итогов. Всегда хочется смотреть вперед, в будущее. Ретроспективные выставки — это не только воспоминания, это новое видение перспективы. Искусство — это вопрошание, и я нахожусь в состоянии обостренной потребности вопрошания. Я не мог спокойно жить, существовать без поиска ответа на вопросы «зачем и как». Видимо, это общая потребность творческих людей.

— Я не спросила важное?
— Один мудрец спрашивает другого: «В чем смысл жизни?» — «Слишком хороший вопрос, чтобы его оплошать ответом».